

Запись школы общины с Хулианом Карроном

Милан, 17 июня 2015 г.

Текст: Х. Каррон. *Присутствие во взгляде*. Упражнения Братства «Общения и освобождения». Введение; Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. Часть вторая, глава первая.

- *Por tudo meu Jesus*
- *Favola*

Gloria

В прошлый раз мы решили продолжить работу над введением к упражнениям Братства и над главой из книги «Зачем Церковь», рассматривающей тему Воскресения. Первый вопрос касается именно этого: «Готовясь к еженедельной встрече школы общины, мы читали главу о преемственности Иисуса в истории, и у нас возникли вопросы, которые мы живо обсудили. Кто-то утверждал, что переживать настоящее должным образом можно благодаря уверенности в Воскресении и жизни вечной; по мнению других, вечность – обещание, а во сто крат мы получаем уже здесь и сейчас, пребывая в реальности, и поэтому, даже если допустить абсурдную мысль о том, что после ничего не будет, такая жизнь все равно останется полноценной и прекрасной. Возможно, разговор получился чисто теоретическим, но нас вдохновило наличие этих двух взглядов на Воскресение. Как нам кажется, они свидетельствуют о том, что у нас есть вопрос, нуждающийся в прояснении. Затем мы подняли другую тему. Один из нас рассказал, как в определенных ситуациях чуть ли не проклиная тот факт, что он христианин, поскольку быть христианином означает в некоторых обстоятельствах переживать тяжелый, менее радостный и менее удовлетворительный опыт. Об этом мы тоже весьма живо поговорили. Христианство не избавляет ни от каких повседневных сложностей, но разве не верно, что, используя критерий суждения, рождающийся от веры, можно на опыте переживать подлинную радость?» Каждый из нас призван проверить это, а иначе все останется лишь на уровне бесплодной дискуссии (потому что тогда каждый совершает проверку в реальности с той позиции, которую защищает). Если перед лицом обстоятельств человек не находит в вере помощь для жизни, он начинает проклипать свою принадлежность к христианству. На упражнениях мы услышали: «Вера не может сказать тебе: “Это так, и точка”, – и задаром получить твое полное и безоговорочное согласие. <...> она каким-то образом связана с твоим опытом: она словно должна предстать перед судом, где ты, опираясь на свой опыт, являешься

судьей». Церковь не может мошенничать, предлагая мне то, что она не в состоянии дать. Но и я не могу мошенничать, не могу утверждать реальность любой ценой. Если человек не замечает, что благодаря вере по-новому, иначе переживает реальность, трудности, вера постепенно перестанет быть разумной, срок годности ее разумных причин в один прекрасный момент истечет. И поэтому проблему не разрешить путем теоретических рассуждений. Решение – в том, к чему нас неустанно призывал отец Джуссани: в проверке веры на опыте. Без нее нам не выбраться из «ловушки», которая подстерегает нас в вере, как и в любом другом проявлении истории и жизни: это все правда или нет? Истина открывается передо мной лишь в опыте.

В последние недели я заставила себя читать школу общины каждый день. К сожалению, у меня это не выходит само собой, и часто я противлюсь, хотя и понимаю, что школа общины – первый способ по-настоящему понимать вещи. Без нее я остановилась бы на поверхности. В ходе этой работы сравнения стало ясно, насколько мелко, рассеянно, растерянно мое «я». Перед лицом драматичных фактов моей жизни я никогда не ощущала Христа далеким; напротив, мое отношение с Ним в такие моменты лишь углублялось. Однако я вынуждена не без грусти признать, что в повседневных, в нормальных обстоятельствах отхожу от Него. В книжке упражнений, на одиннадцатой странице, говорится: «Христианство есть превознесение конкретной реальности, утверждение чувственного. <...> Оно утверждает конкретные, доступные чувственному опыту обстоятельства, и поэтому человек не испытывает ностальгию по величию, когда его ограничивает то, что должен делать: дела, которые он должен делать, пусть даже незначительные, велики, ведь в них бьется Воскресение Христово». Я же часто, будучи дома, в обычных обстоятельствах, думаю: неужели это всё? Повседневность становится банальной, и я начинаю желать чего-то еще, мне хочется заниматься чем-то еще. И я думаю: если бы тут был кто-то еще или если бы я занималась чем-то еще, все было бы по-другому. И я чувствую тяжесть этого груза, словно на мне лежит ответственность по преобразование реальности во что-то иное. Меня не оставляет в покое такой подход к жизни, он доставляет мне немалую боль, ведь в результате я смотрю на мою семью и на реальность грустными глазами. Я хочу жить, не требуя от мира изменений, а надеясь измениться самой, как Христос просит того от меня. Что значит переживать Воскресение Христово в повседневности? Как это происходит для тебя? Как Воскресение позволяет тебе смотреть на вещи и на людей в нормальном течении жизни? Я желаю жить в свете этого победного взгляда и смотреть таким взглядом на все, но часто ощущаю лишь бремя на сердце».

Вот пример того, о чем мы говорили в начале. Если Воскресение не является опытом, моя жизнь грустна, и, сталкиваясь с обстоятельствами, я говорю: «Неужели это всё?» Ответ на этот вопрос мы находим в словах отца Джуссани, говорящих об опыте: «Именно в тайне Воскресения достигает своей высшей точки и полноты интенсивность нашего христианского самосознания, а значит, моего

нового осознания самого себя, способа смотреть на людей и на вещи» (С. 11). Нет другого взгляда, друзья мои! Если я не обретаю вновь и вновь этот взгляд, я не могу смотреть на себя должным образом. И я понимаю, что тебе не удастся смотреть ни на что, не удастся смотреть на твоего мужа или на твою дочь, если ты не впускаешь в жизнь этот взгляд, если не доверяешь ему. Не знаю, как можно жить верой, не доверяя ему. Мне рассказали об одной девушке в Америке, которая только-только обратилась в католичество. Отвечая на вопрос о том, что значит для нее «выйти за собственные рамки», она говорила: «Все очень просто. Раньше, когда мне было плохо, я начинала делать записи в дневнике или отправлялась бродить без цели; теперь же, если я чувствую себя плохо, сразу же берусь за школу общины. И это работает. Вот что такое “выйти за собственные рамки”». Она последняя из пришедших! Я часто повторяю вопрос: почему мытари возвращались к Иисусу? Потому что в отношении с ним начинали по-новому смотреть на самих себя, на вещи и на людей. Как утверждает Джуссани: «В Воскресении – основание новизны моих отношений с самим собой, моих отношений с другими людьми, моих отношений с вещами» (С. 11). Мы понимаем, что Христос воскрес, что личность Иисуса из Назарета, завоевавшего жизнь, жива, что Он не факт из прошлого, не благочестивое воспоминание, не чувство, а присутствие, длящееся во времени, – мы это понимаем благодаря новому взгляду на все, который замечаем во многих ситуациях: в работе над школой общины, в свидетельствах людей, знакомящих нас с определенным способом смотреть на реальность, исполненным Воскресения Христова. Так конкретные обстоятельства преображаются. Так человек в тесных рамках какого-либо обстоятельства, никоим образом не охватывающих его бесконечной ностальгии по полноте, не испытывает манию величия. Дела, которые ты должен делать, велики, даже если это мелочи, ведь внутри их бьется Воскресение Христово. И каков самый явный, самый короткий путь к пониманию этого? Отношение любви, в котором чье-то присутствие настолько определяет настоящее, что в мгновении, полном ограничений, открывается полнота смысла. Любые обстоятельства ограничены! И поэтому, если мы не замечаем этой переливающейся через край полноты, в конце концов мы либо злимся на обстоятельства, либо хотим преодолеть их ограниченность, пытаясь прыгнуть выше головы. Напротив, когда ты видишь людей, которые в повседневных, банальных обстоятельствах довольны, лица которых не отмечены мрачностью, непреходящим беспокойством или глубокой горечью, тогда ты понимаешь, что значит радоваться тому, что Он есть (а не тому, что обстоятельства изменяются или становятся замечательными). Случалось ли тебе переживать опыт безмерной полноты в отношении с ограниченными по сути своей вещами и людьми? Да. Отлично, такой опыт всего лишь слабая тень того, что вносит в жизнь Христос. Если Воскресение заключается не в этом, если Христос не является Присутствием, приносящим в жизнь новизну, мы в конце концов запутаемся, как и все остальные. Человеческое желание бесконечно, тогда как реальность всегда ограничена («Неужели это всё?»). Но бывают моменты, когда горизонт словно расширяется и мы начинаем видеть, что Тайна приносит нечто новое, еще нам не знакомое, в чем мы, однако, угадываем всю истину, всю глубину реальности,

поскольку становимся довольными, нас переполняет радость от того, что Он есть, а не от того, что все идет гладко. Если мы не переживаем это на опыте, Воскресение остается голословным утверждением. И напротив, Воскресение Христово может биться внутри – не рядом, не после, не в другой воображаемой ситуации, а внутри обстоятельств, в тот момент, когда ты подтираешь попу твоему ребенку. Пусть нам это не совсем знакомо, отец Джуссани предлагает нам такую возможность, он говорит: поверьте, это так, даже если еще не стало в полной мере нашим. Вопрос в том, доверяем ли мы, потому что только тогда этот опыт начнет становиться нашим. И от чего это зависит? От открытости.

В последние месяцы меня гнетет не какая-то невероятная драма или бог знает что еще, а ледяное спокойствие и холодность моего сердца.

Ледяное спокойствие.

Я ко всему безразличен. Ничто меня не трогает. И я не могу сказать, что ничего не происходит, даже напротив, случилось множество важных вещей (к примеру, серьезно заболела сестра одной моей близкой подруги, но для моих друзей это не стало препятствием, это их не останавливало, а помогало постоянно выносить суждение и не упускать жизнь из виду, как делаю я). Больше всего я злюсь, когда вижу, как мои друзья взрослеют, как ухватывают каждую мелочь в течение дня и используют ее во благо. Они с энтузиазмом рассказывают мне о разных фактах, и ты можешь не слушать слова – достаточно лишь взглянуть им в лицо, чтобы понять, что за словами стоит много больше. И мне нужно вновь обрести мое собственное «много больше», хотя бы потому только, что мне не удается заниматься, я невнимателен на лекциях, а в ноябре у меня защита. Единственное, в чем я уверен, так это в том, что когда-то пережил на опыте «много больше», и, значит, оно существует, в том числе и для меня. Но я не понимаю, чего мне не достает, чтобы вновь получить его. Утром и вечером я молюсь и прошу обрести его в течение дня. Я ежедневно хожу на молитву «Ангел Господень» и стараюсь читать школу общины. Но, даже несмотря на это, я совершенно равнодушен и не понимаю, с чего начать заново.

Недостаточно молиться, нужно быть открытыми, расположенными. О чем тебе свидетельствуют друзья? Почему ты желаешь взрослеть, как они? Потому что, по твоим словам, они в каждой мелочи ухватывают ее содержание. Тут дело не в проявлении воли и не в бравуре, а в том, чтобы ухватывать то, что есть, что присутствует. Ты видишь это в энтузиазме твоих друзей, в их изумлении. Им не дано больше, чем тебе или мне, но мы можем не принимать во внимание всю реальность, простирающуюся перед нами. Вот почему нужно учиться у таких друзей, спрашивать их: «Что ты видел?» Нужно быть внимательным, отождествляться с теми, кто тебе дан: «Откуда в тебе столько энтузиазма? В чем его причина?» Твой взгляд должен расширяться, в него должен войти другой взгляд! Как этому помочь? Прочитаю одно письмо: «Я осознаю, что часто не отдаю себе отчет

в собственной нужде, как это делает героиня песни *Barco Negro* или Мария Магдалина. Мне вспоминается одна встреча со старшеклассниками несколько недель назад, на которой они говорили: «Когда нет особых проблем, признать Его трудно». Как постоянно пребывать в нужде? Значит ли это любить чистое и отбрасывать фальшивое?» Необходимо постоянно нуждаться, подобно детям, потому что дети изумляются всему. Мы же безразличны, поскольку в один прекрасный момент реальность перестает нам что-либо говорить. По утверждению Джуссани, этому нужно постоянно учиться; чтобы смотреть на вещи истинным образом, требуется разумность ребенка: «Вера – вот как зовется человеческая разумность, которая, оставаясь в нищете, свойственной ее изначальной природе, переполнена чем-то иным, поскольку сама по себе пуста, словно раскинутые руки». Вот что мы должны обновить в себе. Реальность всегда целиком и полностью перед тобою, но как часто она ничего не говорит тебе! По словам святого Августина, реальность говорит лишь тому, кто все сравнивает с сердцем. Поэтому отец Джуссани постоянно отсылал нас к тексту, позволяющему найти выход из тупика, – к десятой главе *«Религиозного чувства»*. Когда присутствие Христа воскресшего позволяет тебе видеть обстоятельства, видеть реальность, когда оно заставляет тебя встрепенуться, – это самый явный знак Воскресения. Цитирую: «Эта Тайна – Христос воскресший – есть судья нашей жизни; Тот, Кто <...> судит ее изо дня в день, из часа в час, из мгновения в мгновение» (С. 12). Что значит судья, что значит судит? Предположим, ты влюблен. Суждение о том, что значит твоя возлюбленная, проявляется в твоём отношении с реальностью, мгновение за мгновением ты проверяешь, действительно ли тот взгляд настолько важен, настолько присутствует, настолько захватывает твою жизнь, что ты уже не можешь войти в реальность, не можешь ничего переживать без того, чтобы это присутствие, вросшее в твою плоть, определяло жизнь. Когда так не происходит, все становится безразличным. Без такого опыта все теряет привлекательность. Значит ли это, что вещи как таковые перестают быть привлекательными? Нет. Но нам не достаёт разумности ребенка, которую нужно постоянно обновлять. Поэтому отец Джуссани говорит о необходимости воспитания. Иисус всегда ставил одно и то же условие: «Вы войдете в Царствие Небесное, то есть увидите все богатство жизни и того, что Я несу, только если станете как дети». Благодаря чему можно победить безразличие? Не в твоих силах сделать это, ты должен лишь с детской простотой позволить реальности поразить тебя. Мне вспоминается один друг, переживший автокатастрофу. Он на протяжении месяцев оставался в бессознательном состоянии, парализованным. Наконец, когда он очнулся, все казалось ему новым, иным, все было новым! Мы безразличны, потому что привыкаем, считаем вещи само собой разумеющимися. Поэтому от нас требуется совершать работу при поддержке людей, помогающих нам в этом воспитательном процессе.

Недавно мы устроили в университете выставку об отце Джуссани, и я заметила две вещи. Во-первых, благодаря встречам, которые с нами случились, это событие стало для всех безмерной благодатью. Проводя экскурсии по выставке, каждый из нас углубил сознание о том, что

произошло в нашей жизни, и в результате мы все больше и больше изумлялись находившейся перед нами реальности.

Предложение об организации выставки находит отклик прежде всего в нас: мы замечаем, что изумляемся. А уж как потом Господь распорядится нашим «да», это Его дело.

Во-вторых, я увидела в действии то, что седьмого марта папа говорил о харизме и необходимости выйти из центра. Рассказывая о жизни отца Джуссани, ребята смогли лучше познать свою первую любовь, свою встречу со Христом. И именно это они несли тем, кто приходил. С нами случилось нечто грандиозное, и у всех возникал вопрос: как всегда жить таким образом? В последующие дни мы увидели, что, глядя на реальность в свете Воскресения и будучи честными в отношении с собственным сердцем, полным нужды, человек не может не искать Его денно и нощно. Самый яркий тому пример – парень, посетивший выставку и с того дня постоянно бывший с нами, даже на собрании, которое мы устроили неделю назад. Вот что он нам написал (его ум по-настоящему поражает): «Сегодня после школы общины глубоко внутри меня родилось желание быть способным смотреть всем в глаза и всех обнимать. Я вернулся домой на поезде, меня переполняли радость и потребность понять. Но произошло нечто столь великое, что единственное, чем я мог заняться, это оставаться в молчании, в живом переполнявшем меня изумлении. Как бы мне хотелось, чтобы так случалось с любой вещью, с любой встречей! И это еще не все. Молчание было полным, подобным тому, что я пережил перед Плащаницей: тот Лик, который влек меня все больше, по мере того, как я смотрел на него, сегодня вновь предстал предо мной в вас. Я только сказал да. Сегодня, слушая вас, я растрогался и спросил себя: почему? Я заметил, что мое сердце жаждет истины, которая позволила мне осознать происходившее. Вы рассказывали, как Иисус использовал тех, кто объяснял выставку, чтобы напомнить, что жить как Джуссани возможно. И я подумал: кем является для меня Иисус? Сегодня, как и в предыдущие дни, именно вы, мои настоящие друзья, неожиданным и таинственным образом напомнили мне, кто я в мире и ради Кого стоит жить. Сегодня вы сказали: «Человек живет из любви к чему-то, происходящему здесь и сейчас». И я спросил себя, кем был для вас. Я совершил самый обычный поступок, сказал да, пришел посмотреть выставку, но в этой обычности я, ты, они признали Христа, живущего в нас. Я вновь открыл самого себя благодаря вам, и в голову приходит мысль: как прекрасно жить таким образом, жить с сознанием о том, что Христос присутствует и составляет нам компанию. Я хочу всегда жить так». Меня поразило его письмо, поскольку я увидела в нем то же, что ты говорил о Петре: недостаточно признать факт, необходима положительная разумность, готовая утверждать реальность и то, что ее образует.

Взгляд этого молодого человека полон присутствием, потому что он заметил в себе желание, которого прежде не испытывал: желание быть способным смотреть всем в глаза и всех обнимать. И это не результат его собственных проектов – возвращаться домой в молчании, полном радости.

Слушая тех, кто представлял выставку, он вынужден был признать, что они являлись присутствием Иисуса. Что-то проникло в них до глубины и начало вносить новизну в полные ограничений повседневные обстоятельства. Такой опыт доступен любому человеку в любых обстоятельствах, достаточно быть открытым.

Я тоже расскажу о встречах, которые произошли с нами в университете, пока мы проводили выставку об отце Джуссани, и за которые я бесконечно благодарен. В первый день мы монтировали панели, и вдруг появились двое ребят: они обычно ходили в то место покурить. Увидев нас, они удивились, подошли и начали исподтишка наблюдать за нами. Мы спросили: «Хотите, мы вам проведем экскурсию?» Когда выставка открылась, те двое были первыми посетителями. Поначалу они то и дело посмеивались, на лицах читался скептицизм, но постепенно их выражение изменилось, и ребята начали рассказывать о себе и о своих вопросах. В определенный момент один из них взглянул на нас и воскликнул: «Как прекрасно! Не думал, что все именно так, люди не знают об этих вещах, вы должны говорить о них всем!» Потом он посмотрел на часы и добавил: «Ребята, прошло полтора часа! Я должен был пойти на обед с друзьями. Как пролетело время!» После обеда, отдыхая, я снова заметил его поблизости и прокричал: «Ты до сих пор здесь?» Он ответил, что должен пойти на лекцию, но ему совершенно не хочется. Я спросил, в какой аудитории лекция. Оказалось, она в противоположной от выставки части университета. Он признался: «Знаю, знаю, но мне хотелось еще раз увидеть вас. Оставьте мне номера ваших телефонов, хотя я и не знаю, позвоню ли». На следующий день он вернулся и сказал: «Вчерашняя лекция была самой прекрасной из всех, что я когда-либо посещал». После обеда мы распечатали сто пятьдесят листовок и пригласили всех, кто был в университете. Когда друзья спросили меня почему, я ответил: «Потому что вчера незнакомый паренек сказал нам приглашать всех». На третий день пришел наш преподаватель (мы его не ждали, он не из Движения), прочитавший электронное письмо с приглашением. Во время экскурсии он был взволнован, а на следующий день написал нам следующее: «От всего сердца благодарю вас за приглашение и еще больше – за то, как вы приняли меня и составили мне компанию. Это особый подарок – студенты, как вы, с такой улыбкой и такой нежностью в сердце, прозрачные, как воздух, и чистые, как родниковая вода. Вот какое впечатление, вместе с отцом Джуссани, я сегодня принес домой, в мою семью, которой я рассказал о сегодняшнем дне. Ваше свидетельство о вере побуждает идти вперед в трудные для всех нас моменты». Перед лицом этих фактов (и других, о которых нет времени рассказывать) я спрашивал себя, в чем разница между нами и учениками, шедшими в Эммаус и говорившими после встречи с Ним: «Разве не билось в нас сердце наше, пока Он говорил?» Прошло две тысячи лет. Христос присутствует и сегодня, но не принадлежит мне. Я, несмотря на все мои усилия и на всю мою волю, не способен на такое. Через день во время мессы читался евангельский отрывок, в котором Иисус говорит Симону: «Отплыви на глубину и закиньте сети» (и это то же самое, как когда ты и мои друзья говорите мне: «Участвуй в организации выставки, тебе предоставляется такая

возможность»). И Симон отвечает Ему: «Наставник, мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть». Эти слова описывают все мое сопротивление, но и я в определенный момент вынужден сдаться, и тогда «они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась». Когда я смотрю на мой улов, перед лицом искушения гордостью за проделанную работу я склоняю голову и говорю: «Спасибо, Господи, потому что я только следовал за Тобой». Я все больше понимаю, что у этого «Ты» с большой буквы человеческое лицо. Реальность, компания Движения, мои друзья, поступающие нам предложения – все это плоть Иисуса, идущего мне навстречу и говорящего: «Друг Мой, приди, ответь Мне, и Я покажу тебе, Кто Я». Но самое великое открытие – даже не в количестве пойманных рыб, но в том, что первой «креветочкой», выловленной таинственным и незаслуженным образом, стал я сам. Действительно, когда я смотрел, как многие ребята ищут ответ на вопросы их жизни, на собственное сопротивление, которое они не в силах побороть, в памяти всплыл эпизод с отцом Джуссани. Рассказывая об одном недавно встреченном человеке, он говорил: «Если я вижу <...> как он старается найти дорогу, от его уверенности рождается уважение к нему; когда человек уверенный видит человека неуверенного, он испытывает к нему бесконечную жалость и говорит: “Боже, что я сделал, чтобы отличаться от него?”».

Эта новизна повседневных банальных обстоятельств есть не что иное, как насыщенность жизни, ставшая возможной благодаря Воскресению. Подобные факты влекут за собой суждение о том, что Христос присутствует, поскольку приносит эту новизну. Вопрос в том, испытываем ли мы ностальгию и возвращаемся ли к Нему. Не потому, что хотим породить Его за счет собственных усилий, но потому, что позволяем Его присутствию входить в наше «я», задышающееся в обстоятельствах.

У нас была возможность получить панели выставки за несколько дней до ее открытия в городе, и я решил установить их в школе, где работаю и где учатся около трехсот пятидесяти ребят из средних и старших классов. Сначала я думал проводить экскурсии только для моих учеников во время наших занятий, в том числе и потому, что выставка была доступна лишь в течении двух дней, затем ее нужно было перевезти в другое место. Из логистических соображений мы разместили панели в холле с кофейными автоматами – там учащиеся обычно собираются во время перемены. Так вышло, что я проводил экскурсию для одного из моих классов во время перерыва в занятиях старшеклассников, а потому многие мои коллеги выстроились в очередь за кофе. Я уже был готов довольно резко попросить тишины, но потом мы добрались до панели «Женищина, не плачь!», я вспомнил, о чем говорил отец Джуссани и что ты всегда повторяешь, и сказал моим ученикам: «Ребята, представьте себе эту женщину, следующую за гробом своего сына. Она в отчаянии, потому что потеряла мужа, а теперь еще и дитя. Представьте себе ее боль, ее горе. Попробуйте представить себе ее слезы, осушить которые не в силах ни один человек. Иисус

приближается к ней и говорит: “Женищина, не плачь!” Кто может говорить подобные вещи? Неужели кто-то в состоянии произнести такие слова? Кто может это сделать?» Я умолк и вдруг заметил, что шум утих. Я поднял глаза и увидел, что присутствовавшие в холле (я их не считал, но их было много: все старшеклассники вышли на перемену, а мои коллеги пили кофе) пребывали в молчании и смотрели на панель. Они смотрели не на меня, а на панель, смотрели на тот вопрос. Я довел экскурсию до конца в смущении от образовавшегося молчания, куда более оглушительного, чем прежний гомон. Спустя несколько часов ко мне подошли несколько ребят и сказали: «Вы можете провести экскурсию и для нас?» В итоге на протяжении двух дней я без остановки объяснял выставку. Я провел экскурсию даже для группы коллег – вот уж действительно непредвиденное и немислимое событие. Не знаю, что будет дальше, но произошедшее является для меня ответом, фактом, потрясшим мое сердце. Возможно, кто-то посчитал его незначительным событием. Некоторые ведь говорили, что и апостолы напились. Я не был пьян! И ничто не отнимет у меня случившегося. Больше всего меня поразило один ученик, подошедший ко мне и спросивший: «Почему никто не говорит нам об этом? Почему вы раньше нам об этом не рассказывали?» И я ощутил себя маленьким, поскольку в этом есть доля правды. Сейчас, в разгар экзаменов, я особенно чувствую, что моя главная забота – подготовить ребят, а не провозглашать Человека, Который в настоящий момент, несмотря ни на какие проблемы, говорит: “Не плачь!”»

Эти простые свидетельства поражают меня прежде всего потому, что из них видно: мы первые остаемся в выигрыше. Призыв папы «идти в мир» и сообщать то, что с нами произошло, помогает в первую очередь нам. Совсем другое дело, когда человек видит, как такие события происходят в реальности и бросают вызов любому равнодушию и любым трудностям. Вера возрастает, как мы всегда говорили, когда ее отдаешь, разделяешь с другими. Она была дана нам, чтобы мы делились ей в каких угодно обстоятельствах – в том числе и на выставке об отце Джуссани. И когда наши братья встречаются с ним, они говорят нам: «Вы должны рассказывать об этом всем!»; «Почему никто не говорит нам об этом?» Каков наш вклад? Чего от нас ждут? Что означает быть присутствием? Все сегодняшние свидетельства показывают нам, чего ожидают многие люди, живущие рядом с нами. Поэтому наши попытки жить тем, что с нами произошло, все больше проникать в то, что нам было даровано, помогают лучше понять метод Бога, с помощью которого Он достигает людей и меняет их. Как говорил нам отец Джуссани, наша вера сможет стать благом и для других, только если непрестанно растет в нас.

***

Прежде чем завершить встречу, скажу несколько слов о манифестации в защиту семьи, которая пройдет 20 июня в Риме и которую активно обсуждают в эти дни. Вся Церковь осознает неотложную необходимость защищать семью: папа еще раз подчеркнул это в прошлое воскресенье, в речи перед молитвой «Ангел Господень» и особенно на Конференции Римской епархии. О том же говорит

и Папский совет по семье и многочисленные епископы, а также церковные ассоциации и движения. Секретариат Конференции итальянских епископов выразил официальную позицию, обратив внимание на важность в вопросе семьи единства между всеми католиками. Однако именно Конференция итальянских епископов ясно указала, что ни у кого нет монополии на способы участия в общественных и политических дебатах. Вот почему было решено не вовлекать Церковь в Италию в непосредственную поддержку манифестации. Следовательно, отправиться 20 июня на площадь – лишь один из вариантов, правомерных и свободных, но в то же время не бесспорных. Значит ли это, что наша уверенность в защите семьи ослабевает?

Я лично наблюдал за опытом Испании, которую вполне можно привести в пример. Мы провели многочисленные и многолюдные манифестации в защиту семьи (не знаю, найдется ли какая-то страна, способная соперничать в этом с нами). Мы вывели на площади миллионы людей. Всем нам прекрасно известно, что наши старания не привели к желаемому результату. Напротив, все обернулось куда более либеральным узакониванием «новых прав». Чему нас это учит? Тому, что акции протеста на площадях, которые являются законным способом выражения мнения в демократическом обществе, не стоят затраченных усилий. Гораздо более важно признавать то, что мы не раз повторяли, цитируя тогда еще кардинала Ратцингера, нашедшего в себе смелость говорить определенные вещи, значение которых, по-моему, мы с трудом понимаем. Мы находимся перед лицом «крушения древних уверенностей», разрушения самых элементарных очевидностей. Вот почему в тексте, посвященном прошлогодним выборам в Европарламент, я цитировал: «В эпоху Просвещения <...> на фоне противоборства конфессий и угрожающего кризиса образа Бога, была предпринята попытка оградить основополагающие нравственные ценности [то есть семью, жизнь и т. д.] от противоречий и сделать их настолько очевидными, чтобы они были свободны от многочисленных разделений и шатких позиций различных философских течений и религиозных конфессий. Таким образом было выражено стремление упрочить основы совместного существования и – в более широком смысле – основы человечества. В то время это казалось реальным, поскольку великие убеждения, принесенные христианством, в большинстве случаев могли сдерживать натиск и казались незыблемыми» (J. Ratzinger. *L'Europa di Benedetto e la crisi delle culture*. Roma-Siena: LEV-Cantagalli, 2005. P. 61). Чем закончились описанные попытки? Ратцингер отвечает прямо: «Полным крахом» (*Ibidem*. P. 62).

Нам может это не нравиться, но с фактами не поспоришь. Вот почему первый реалистичный шаг состоит в том, чтобы признать, что дела обстоят именно так и что мы призваны переживать эти вызовы, в том числе и вызов, касающийся семьи, в совершенно новом контексте. И новый контекст тоже представляет собой вызов: прежде всего для нас, не для других. Что позволяет оказывать сопротивление миру, в котором всё, всё говорит об обратном? Как нашим семьям не погрузиться в хаос и сохранить свою состоятельность, как воспитывать детей и поддерживать супружеские

отношения? Верим ли мы по-прежнему, что метод Бога способен обеспечить нам почву под ногами или нет?

Мы отправили ответственным общин объявление внутреннего характера, касающееся встречи в Риме. Это не сообщение для печати, не документ и не листовка, как некоторые из вас описали его. Мы сознательно не разместили его на сайте Движения, оно призвано лишь стать помощью в вынесении суждения. Мы не забыли подписать его – нам не сложно подписать его, как не сложно мне сейчас говорить об этом с вами открыто. Мы не хотели подписывать его, и я объясню почему. Тревога, высказанная в объявлении, появилась после первой же подготовительной встречи, предложенной «Неокатехуменальным путем» и состоявшейся 27 марта. Мы были приглашены на нее вместе со всеми остальными многочисленными церковными движениями и ассоциациями. На этой встрече упоминались как раз испанские манифестации, о которых я вам говорил, – их представляли как пример грандиозной католической мобилизации. В тот раз, как и на следующем собрании, где была объявлена дата события (хотя на этот счет еще не удалось прийти к единому мнению), мы объяснили, почему нам не кажется уместным предложенный способ площадной манифестации – не кажется уместным именно для утверждения ценности семьи. Обсуждение наиболее сообразных способов подхода к теме защиты семьи не привело ни к какому ясному и разделяемому всеми выводу. Вместе с нами большинство представителей итальянских католических ассоциаций (среди них «Католическое действие», «Обновление в Духе», «Община святого Эгидия», фоколяры, «Опус Деи») и Форум семейных ассоциаций не посчитали уместным участие в акции. Так мероприятие, изначально задуманное как католическая инициатива, превратилось в неконфессиональную манифестацию без флагов и знамен. К ней присоединились «Неокатехуменальный путь», «Католический союз», «Manif pour Tous», «Pro Vita». В результате мы ощутили себя свободными и не посчитали необходимым участвовать и выражать тем самым как Движение определенную позицию. Однако в последние несколько недель многие друзья попросили помочь им вынести суждение об этой инициативе, и поэтому мы подготовили объявление. Наше неприсоединение к манифестации не продиктовано политической тактикой. Нами двигал критерий реализма и благоразумия: недавняя история доказывает, что, всякий раз выходя на площадь в защиту каких-либо ценностей, мы не влияем положительным образом на ситуацию, а возводим стену. Процесс не останавливается и даже не замедляется, а, напротив, ускоряется. С другой стороны, в 2007 году, когда была предложена католическая манифестация против законопроекта о признании гетеро- и гомосексуальных пар («Права и обязанности людей, сожительствующих на постоянной основе»), мы высказали аналогичное мнение и были уверены, что в культурной обстановке, которая нас окружает, противостояние вряд ли приведет к конструктивным и убедительным результатам, поскольку мы живем в обществе, где идеология преобладает над опытом. Мы подчеркивали, что стремление к идеологизации можно побороть лишь свидетельством об опыте, из которого видно, что семья есть «преизбыток» человечности. Это не значит, что нужно закрыться в ризницах!

Свидетельство в повседневной жизни столь же публично, как и манифестация на площади, не надо думать, что одно лично, а другое публично. В противном случае мы легко теряемся и теряем самый важный аспект – воспитательный. Однако в 2007 году Конференция итальянских епископов открыто попросила нас и членов других движений и ассоциаций поддержать манифестацию. И мы послушались. Теперь же, очевидно, учитывая иной контекст, епископы решили по-другому. Мы же продолжаем следовать. Это не мешает всем желающим поехать в Рим – об этом сказали и епископы.

Откуда можно заново начинать в сложившихся обстоятельствах? Мы часто вспоминали в последнее время о гонимых христианах. Откуда начинают заново они, когда вокруг все рушится? К чему обращаются, как не к тому, о чем мы сегодня говорили, – к свидетельству о новизне жизни, которую принес Христос воскресший? В подобной ситуации действенным является лишь один метод – в свидетельстве повседневной жизни являть преизбыток человечности. Нам часто кажется, что этого слишком мало, и потому нас удивляет метод, который Бог избрал, когда решил стать человеком и жить, как живет множество людей (никто из нас не поступил бы так!), поставив все на притягательность, исходившую от Его личности. Мы знаем это потому, что отец Джуссани именно так сообщил нам христианство. И меня поражает, с каким трудом мы это понимаем.

Решающим для нас остается долг свидетельства в рамках повседневных обстоятельств, свидетельства в том числе и в профессиональной сфере. Наш вклад состоит в сообщении конечной положительности, характеризующей любую ситуацию и любое отношение, и эту задачу каждый из нас может и должен бы проживать в диалоге с кем угодно. Проблема именно в этом: когда семья разваливается, когда люди не в состоянии удержаться на ногах перед лицом реальности, видят ли они что-то, в чем открывается для них новая возможность? Было принято множество хороших законов, но они не остановили волну, захлестнувшую нас сейчас. Частью свидетельства является защита пространства свободы всех и каждого – мы говорили об этом, готовясь к выборам в Европарламент. Также, после парижских событий мы написали: «Пространство свободы – это пространство, где можно высказываться по отдельности и вместе перед всеми, где каждый представляет всем остальным свою точку зрения и способ существования. Такое разделение жизни позволит нам встречаться на основании реального опыта каждого из нас и не отталкиваться от идеологических стереотипов, делающих диалог невозможным» (Х. Каррон. Вызов подлинного диалога после терактов в Париже. *Corriere della Sera*. 13 febbraio 2015. P. 27). Мы просим для себя той же свободы жить и воспитывать, какую просят и остальные.

Один друг поделился со мной тревогой, которую испытывают многие родители: «В конце концов сложно ответить на самую серьезную тревогу: как защитить моих детей? Несомненно, необходимо свидетельствовать им о “жизни” и пристально следить за тем, что им предлагают в школе и в других местах, но часто я спрашиваю себя, достаточно ли этого. Как отцу мне всегда хочется защитить их, оградить от зла этого мира, и велико искушение бороться вместо них. У меня складывается

впечатление, что по-настоящему разрушительная сила идеологии способна взять над ними верх, и порой необходимость противостоять ее нашествию представляется неизбежной. Из истории я прекрасно знаю: нашествию варваров противостояли не остатки римской армии, а монашеская “жизнь”. Но во времена нашествий многие пали, и я как отец боюсь, что среди павших могут оказаться и мои дети». Вот почему я уверен, что всем нам полезно смотреть, как наши друзья, гонимые христиане, воспитывают детей, чтобы те могли встречать лицом к лицу вызовы жизни. Посмотрим видео.

Показ интервью с Мириам, иракской беженкой из Каракоша

«Во время посещения этого лагеря, мы неожиданно для себя встретили одну девочку, которая сказала нам, что смотрит нашу программу “Laysh Hayak”. Ее зовут Мириам.

– Как дела, Мириам?

– Хорошо, а у тебя?

– Очень хорошо. Ты правда смотришь нашу передачу?

– Да.

– Тебе нравится канал SAT-7 Kids?

– Да.

– Откуда ты? Тоже из Каракоша?

– Да, я из Каракоша.

– И тебе десять лет?

– Да.

– Как давно ты в этом лагере?

– Уже четыре месяца.

– Чего тебе больше всего не хватает из того, что было в Каракоше и чего здесь нет?

– У нас был дом, где мы всегда играли, здесь такого нет, но, слава Богу, Бог заботится о нас.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь: «Бог заботится о нас»?

– Что Он нас любит и не позволил, чтобы боевики ИГИЛ нас убили.

– Ты знаешь, как сильно Бог любит тебя, да?

- Да, Бог любит нас всех, не только меня, Бог всех любит.
- Ты веришь, что Бог любит даже тех, кто причинил тебе зло?
- Он любит их, но не любит дьявола.
- Что ты чувствуешь по отношению к людям, из-за которых тебе пришлось бросить твой дом и пережить столько бед?
- Я не хочу ничего им сделать, я только прошу Бога простить их.
- А ты можешь простить их?
- Да.
- Но ведь очень трудно простить тех, кто причиняет тебе страдания, Мириам. Или это легко?
- Я не хочу их убить. Зачем их убивать? Мне только грустно из-за того, что они выгнали нас из наших домов. Почему они это сделали?
- Тебе нравилась твоя школа в Каракоше, правда?
- Да, я была лучшей ученицей в классе.
- У тебя были в школе и друзья?
- Да.
- Они здесь с тобой или нет?
- Они где-то здесь, но я не знаю точно где.
- Возможно, кто-то из них смотрит сейчас по телевизору канал SAT-7 Kids. Что бы ты хотела им сказать?
- До переезда сюда у меня была подруга. Ее зовут Сандра, мы проводили вместе весь день, весь день в школе были вместе, хотя и не жили рядом. Мы любили друг друга. Мы прощали друг другу обиды. Иногда, играя, мы делали друг другу больно, но всегда прощали. Мы любили друг друга, и сейчас мне бы просто хотелось увидеть ее.
- Ты не знаешь, где она?
- Нет, не знаю.
- Если Сандра смотрит на нас сейчас, уверен, она думает о тебе и любит тебя, Мириам.
- Она очень любит меня, а я очень люблю ее. Надеюсь однажды снова увидеться с ней.

- Мне бы, конечно, хотелось быть рядом с тобой в тот день, когда вы встретитесь.
- Надеюсь.
- На что?
- Надеюсь вернуться домой, надеюсь, что она тоже вернется домой, и так мы сможем увидеться.
- Я надеюсь, ты вернешься в еще более красивый дом, чем тот, что был у тебя раньше.
- Если Богу будет угодно. Важно не то, чего хотим мы, а то, чего хочет Бог, потому что Он знает.
- Тебе не бывает порой грустно? Тебе не кажется, например, что Иисус забыл о тебе?
- Нет. Иногда я плачу, потому что мы оставили наш дом и Каракош, но я не сержусь на Бога за то, что мы уехали. Я благодарю Его, потому что Он заботится о нас. Даже когда мы страдаем, Он дает нам то, в чем мы нуждаемся.
- Ты многому меня научила.
- Спасибо, ты тоже многому меня научил.
- Чему я научил тебя?
- Ты меня научил... Нет, не научил, я имела в виду, ты разделил со мной то, что я чувствую. Ты разделил со мной... мне хотелось, чтобы люди знали, как я себя чувствую, как чувствуют себя дети, живущие здесь.
- Ты ведь знаешь, что Иисус никогда не оставляет тебя?
- Он никогда не забывает об мне. Если веришь по-настоящему, Он никогда не оставит тебя.
- Ты помнишь какую-нибудь песню, которую тебе нравится петь, когда ты одна? Петь, чтобы говорить с Иисусом. Или не помнишь?
- Я знаю разные песни.
- Можешь спеть для меня, спеть для нас твою любимую песню? Пусть даже короткую. Что скажешь?
- Есть одна песня: *«Какая радость – день, когда я поверил во Христа. Моя радость на рассвете была совершенной и мой голос благодарно пел о моей любви к моему славному Спасителю. Она будет возрастать день ото дня. Новая жизнь, счастливый день, когда я вновь соединюсь с моим Возлюбленным. Из любви Он пришел, о чудесная любовь! Он явил мне справедливость, помня о святом завете. Моя любовь к моему славному Спасителю будет возрастать день ото дня. Новая жизнь, счастливый день, когда я вновь соединюсь с моим Возлюбленным».*

Часто мы беспокоимся о наших детях, боимся за них, переживаем из-за обстановки, в которой им приходится жить, из-за наступающего со всех сторон идеологического насилия. Но здесь мы видим нечто большее: десятилетняя Мириам живет в условиях, где насилие – идеологическое и физическое – лишает всего. Но даже все зло мира не в состоянии остановить эту девочку. И поэтому она для нас – серьезный воспитательный вызов. Можем ли мы вырастить детей, способных жить перед лицом вызовов, с которыми они сталкиваются? В чем они нуждаются, чтобы жить, как живет Мириам? О чем свидетельствуют нам, христианам Запада, гонимые христиане? Что нам нужно, чтобы воспитывать детей, способных жить, как она? Вот настоящий вызов, грандиозный воспитательный вызов. Суть вызова именно в этом: может ли наша вера сопротивляться, в каком бы контексте мы ни жили? Поэтому, как мы сказали на упражнениях, «именно в тайне Воскресения достигает своей высшей точки и полноты интенсивность нашего христианского самосознания». Мы нуждаемся в том, чтобы это утверждение все больше проникало в ткань нашей жизни. Так мы сможем сообщить его и молодежи.

С июля по сентябрь на школе общины мы будем работать над первой лекцией упражнений, а также над вопросами из собрания, касающимися содержания этой лекции (с. 80–100, 104–105). Лекция затрагивает, как вы помните, тему затруднений, встающих перед разумом и обусловленных неразвитым религиозным чувством. Мы определили эту ситуацию словами Бенедикта XVI, говорившего о «странном помрачении мысли» (Benedetto XVI. *Luce del mondo. Il Papa, la Chiesa e i segni dei tempi. Una conversazione con Peter Seewald*. Città del Vaticano: LEV, 2010. P. 47), из-за которого мы больше не распознаем даже элементарные составляющие жизни. Поэтому предлагаю вам работать над следующим вопросом: что помогает нам бороться с этим странным помрачением и позволяет признавать реальность, простейшую очевидность вещей? Именно так мы найдем подтверждение тому, что Воскресение – факт, действительно охватывающий жизнь и позволяющий смотреть на все, как Церковь смотрит на все в пасхальную ночь. В этом и состоит суждение. Почему Воскресения является суждением? Потому что без Воскресения Христова человек и мечтать не мог бы о том, чтобы смотреть на все – начиная с вопроса, почему стоит родиться на свет, и заканчивая виной, грехом, трудностями. У нас есть несколько месяцев, чтобы помочь друг другу лучше понять, в каком контексте мы призваны переживать нашу веру.

День начала года пройдет в субботу, 26 сентября, в Милане. По видеосвязи к нему присоединятся многие города Италии.

Veni Sancte Spiritus

Хорошего всем лета!